

Гу Шанли, чьи глаза сияли влажным блеском, пристально смотрел на Янь Шэньцзина. В руках он бережно держал несколько веточек бледно-желтой восковой сливы — любимые цветы Янь Шэньцзина, — которые он собственноручно и с большой тщательностью обернул в его любимую синюю упаковочную бумагу.

Похоже, пробираясь сквозь терновник, он сильно поранился: его руки были покрыты мелкими ссадинами и царапинами.

От Янь Шэньцзина исходила тяжелая, гнетущая аура, он напоминал одинокого и гордого вожака волчьей стаи. Однако, увидев раны на руках Гу Шанли, он невольно смягчился.

Этот маленький русал точно знал, что он не сможет остаться равнодушным.

Пальцы Янь Шэньцзина едва коснулись поврежденной кожи, и он аккуратно заклеил ранки пластырем. Затем он взял веточки восковой сливы, на которых еще поблескивали капли росы, и поставил их в вазу.

Однако, когда Гу Шанли решил, что инцидент исчерпан, Янь Шэньцзин внезапно закрыл ему глаза.

— Господин, вы больше не сердитесь? Хотите сделать мне сюрприз? — спросил Гу Шанли, не заметив холодной ауры, исходящей от Янь Шэньцзина.

— Система, мне нужна кисть для рисования, есть у тебя такая? Только с очень мягким ворсом.

Система 999 молчала, но появившаяся в руках Янь Шэньцзина кисть ясно давала понять, что система решила потворствовать его прихотям.

— Господин, что вы задумали?

Кончик кисти едва коснулся спины Гу Шанли. Взгляд Янь Шэньцзина потемнел, и он начал выводить линию за линией — оказалось, он решил нарисовать на его спине цветы сливы.

При этом Янь Шэньцзин сохранял невозмутимое выражение лица, а его движения, когда он держал кисть, были изящными и плавными, словно текучая вода.

Гу Шанли и представить не мог, что Янь Шэньцзин окажется настолько дерзким, чтобы рисовать на его спине!

Проклятье, потом он обязательно оплатит ему той же монетой.

Янь Шэньцзин без всякой жалости вырисовывал цветок за цветком, и они распускались на коже ярко и пышно.

— Хватит рисовать, господин...

Несколько крокодиловых слез упали на пальцы Янь Шэньцзина. Гу Шанли притворился, что его ноги мелко дрожат, а в глазах застыл испуг.

На самом деле он чувствовал лишь легкое щекотание, словно его дразнили травинкой, и не испытывал ровным счетом ничего.

Однако, матушка, глава клана, боюсь, сегодня мне не удастся умиротворить этого Янь Шэньцзина.

В мире людей это ведь называется издевательством над пленником, не так ли?

Янь Шэньцзин продолжал гнуть свою линию, упорно дорисовывая цветы. Он погрузился в собственный мир настолько, что перестал контролировать даже зловещую демоническую энергию, которая то и дело просачивалась наружу. Все его внимание было сосредоточено лишь на изящных лопатках Гу Шанли, напоминавших крылья падшего ангела.

— Ты еще посмеешь? Еще раз посмеешь так дерзко искать смерти? — с трудом выдавил из себя Янь Шэньцзин, в чьем голосе смешались глубокая тревога и тяжелые чувства.

Гу Шанли сделал вид, что ему очень больно, и даже сам ущипнул себя за нежную кожу.

— Я больше не буду, правда.

На самом же деле:

Я еще как посмею! Тебе ни за что не удержать меня, Гу Шанли!

Видя страдания Гу Шанли, Янь Шэньцзин первым ощутил острую, пронзающую боль в собственном сердце. Оказалось, что ему самому от этого тоже не по себе.

— Если ты еще раз такое выкинешь, я без колебаний перебью весь ваш Клан Русалок, и все твои сородичи отправятся на тот свет вместе с тобой!

Янь Шэньцзин наклонился, а кисть, которой он только что рисовал, безжалостно отшвырнул в сторону — она покатилась и затерялась где-то в темном углу.

— Не буду, я правда больше не буду, — Гу Шанли мотал головой, словно игрушка-болванчик, будто он только что перенес пытки, от которых у него вывернуло все суставы.

Даже система 999 видела, насколько это было наигранно.

— Хозяин, ты не думал, что твой метод наказания выглядит немного по-детски?

Янь Шэньцзин не ответил 999-му и молча понес Гу Шанли в ванную.

Наполнив ванну горячей водой, он начал смывать рисунок со спины Гу Шанли. Тот лишь слегка подрагивал ресницами. От его тела исходил едва уловимый аромат геля для душа — того самого, которым постоянно пользовался Янь Шэньцзин.

Пальцы Янь Шэньцзина на мгновение замерли, но он продолжил осторожно тереть кожу полотенцем.

Гу Шанли бессознательно прижался к груди Янь Шэньцзина, бормоча что-то невнятное. Если прислушаться, можно было разобрать лишь тихие извинения.

Янь Шэньцзин отреагировал на это совершенно спокойно, хотя его сердце в груди колотилось, словно барабанная дробь.

— Гу Шанли, что же мне с тобой делать?

<http://bllate.org/book/18617/1792389>